

Литературная Страница

Творчество наших читателей

РИММА
ПАНТЕЛЕЕВА

Январский Пленум

Синь быстроногая сумерки
трогает,
Мягко искрится в пушистом
снегу.
Мне бы бродить по путям,
по дорогам,
«Рифмы искать» на каждом
шагу.
Но позабыты перо и бумага,
Слышу дыхание нового дня.
Льется в эфир боевая отвага,
Счастьем и гордостью полнит
меня.

Слышу по радио голос знакомый.
Жизнь, будто глобус на прочной
оси,
Он поворачивал к делу земному,
К прозе, чтоб счастье нам
принести.
Сумерки синие, синие, синие...
Пленум окончен. Январь на
дворе.
Радость весною большою
нахлынула:
Быть уже завтра полной заре!

Маме

Полночь: У заснеженной березки
Белый полушалок сбился с плеч,
Темные, замерзшие полоски
Хочется дыханием согреть.
Распахнуть приветливо ей двери,
Чашку чая с медом предложить
И под вой уральской, злой
метели
С ней, как с матерью, поговорить.
Вижу, будто плечи содрогнулись,
Будто ясным блеском строгих
глаз
Мысль мою березка караулит,—
Снова верный мне дает наказ.
Ветер звезды тучей закрывает:
Свет ему сегодня не подстать.
Лишь она стоит себе, родная,
Стойкостью похожая на мать.

Море

Силой бросая волны,
Пенится даль, шумит.
Зверем большим разъяренным
Гложет прибрежный гранит.
То затихая, стонет,
Вешенством губы скривив.
Злость в глубину схоронит,
Жалобно плачет, навзрыд.
То облака отражая,
Солнце утопит в себе,
Звезды в волнах качая,
Шепчет о чем-то во сне.
Стою по колено в звездах,
Рукой зачерпнув луну...
Вижу прошедшие грозы,
Завтрашнюю весну.

Снежинки

Тихий вечер. Искорки-снежинки
Лунный свет рассеяли вдали.
В скверах, на дорогах и
тропинках
Медленно касаются земли.
В зареве багровом отразились,
Укрощали дым заводских труб,

На спецовки пыльные садилась,
Охлаждали пламень жарких губ.
Улицы широкие седеют.
В грации свинцовой спит Урал.
Новостройки светом юным греет
Каждый ниспадающий кристалл.

АЛЕКСАНДР
ФОМИН

Гигант-завод

У нас в мартене
Огонь-царь.
А в ванне тяжело
вскипает сталь.
Да трубы-свечи
факалом горят.
Не угасает
никогда заря.
Вот пламя в печке
ширится, горит.
Металл сияет
отблеском зари.
Везде огонь:
в печах, ковшах, руках.

А у мартена
русский и казах.
Металл идет
по жолобу струей.
И на площадке веет
жаркий зной.
Не так давно
здесь степь одна была.
Да выростала
по плечо трава.
И тишину будил
лишь волка вой.
Сегодня здесь стоит
гигант-завод.

Хороши у нас хлеба

Хороши хлеба у нас в Сибири!
Как могучий лес они стоят.
Налитые зерна золотые
Об уборке ранней говорят.
Слышно, как гудит на поле
трактор.

Да трещат комбайны допоздна.
Рядом здесь прокладывают
тракты.
Строят села. Радуйся, страна!
Шум машин и гул плывут по
далям.

Слышится веселых песен звон.
Рядом по железной магистрали
Пролетает с хлебом эшелон,
Целина опережает сроки.
Хлеб богатый шлет по всей
стране
И за труд, за подвиг тот высокий
Мы спасибо скажем целине.

На этой странице мы печатаем стихи наших читателей — оператора машинно-счетной станции комбината Риммы Пантелеевой и подручного сталевара Александра Фомина.

Есть на Большом Кизиле одно место, мимо которого ни один рыболов не пройдет спокойно. Да разве будешь равнодушным, когда увидишь широкий берег, около него полукругом зеленый камыш и два больших лопуха, неподвижно лежащих на воде, всегда спокойной и темной от глубины? Даже в ветренную погоду на зеркальной глади тут не заметишь ни одной морщинки. Высокий ржанец вперемешку с иван-чаем образуют у самого берега своеобразное укрытие, за которым можно сидеть и незаметно, и удобно.

Это-то местечко и привлекло нас однажды с приятелем. Мы взяли по удочке и рано утром отправились на рыбалку. Утро, как говорится, должно было быть «клевым». Тихо. Остатки тумана едва заметными белыми полосками колышутся над водой, над яркой зеленью лопухов, капельки ночной росы посверкивают на тугих завитках цветков иванчая, на ржаво-серых метелках ржанца. Ни одного облачка на небе, окрашенном в алый цвет, который постепенно переходил в оранжевый, светло-фиолетовый и на западе — в темную синь.

Даже разговаривать в таком месте да в такое время казалось нам кощунством. Мы молча разматывали удочки, закинули и сели, время от времени поглядывая на воду распаренный овес для приманки. Два поплавка торчком застыли на тихом глянце. Четыре глаза ничего уже, кроме них, теперь не замечали. Посерел уже водный глянec, откуда-то легонько дохнуло ветром и незаметно иссушило, выпило росу. А поплавки все так же невозмутимо торчали из воды и ни один из них не пустил даже мелких кругов.

Ожидание сменяется разочарованием. Взгляд теперь все чаще отрывается от воды, рассеянно скользит по противоположному берегу. И на часы который раз уже смотришь. Подходит время сматывать удочки и идти домой. Вот тебе и прекрасное место. Давно уже не было у нас с приятелем такого просчета. Я вздохнул, представляя, как меня встретят дома. Да и по селу пойдешь, каждый понтересуется, что наловил. Травой разве сумки набить...

— Стоп! — отвлек меня от этих мыслей товарищ.

Он был весь ожидание. Поплавок его удочки чуть подрагивал и подвигался к лопуху. Вот он резко дернулся, нырнул под воду. Взмах удильцем, подсечка. На лице товарища разочарование: по сопротивлению рыбы он чувствует, что она мелочь. Не спеша вытягивает ее из глубины на поверхность, волочет по воде к берегу.

— Ершишка... Ух, ты!
В тот же миг из-под лопухов метнулось большое серое тело. Всплеск. Ерша, как не было. Скрипит согнутое в дугу удильце, звенит леска, вот-вот порвется. И порвалась.

— Вот тебе и все, — мой приятель с минуту глядит на воду — потом бросает ненужную уже удочку на траву, закуривает. — Шука, оказывается, здесь хозяйничает. Вот почему селая рыба не клеваала все утро. Эх, блесну бы сейчас.

Я вдруг вспоминаю, что есть у меня маленькая блесенка — «норич». Да леска ненадежная, тонкая очень.

— Ничего, успокаивает меня товарищ, — еще неизвестно, какая шука. Это я сдуру порвал леску, надо бы поводить маленько...

Мы встали на колени за травой. Я привязываю блесну, сматываю широкими кольцами леску, наподобие лассо и делаю заброс. Блесна метнулась на воду далеко за лопухами.

— Теперь тяни, да легонько подергивай, поддерживай ее, окаянную, — шепчет сбоку товарищ.

Тяну. Вот уже блесна миновала лопухи, вот она почти что у берега. И вдруг словно зацеп. Я легонько тяну леску — ни с места. «За корягу, наверное». Только подумал это, как в глубине вдруг сильно потянуло. Я сдал, да и нельзя было — леска тонкая. А

ГЕННАДИЙ РЫБАКОВ

Хозяйка омута

☆
Из цикла рассказов
„Рыбачьи тропы“

☆

рыба тянет все дальше, к камышам, за камыши, на средину речки. И нет больше никакого запаса сдавать. Борьба была короткой. У меня на удильце остался метр лески.

Прошло несколько дней, а я все не мог забыть этот странный омут и его хозяйку, как назвали мои товарищи нашу шуку. Уйти она, конечно, никуда не уйдет. Такая привычка у шуки: живет она всегда на одном облюбованном ею месте. Спугнут ее, сорвется с крючка ли — отлежится где-нибудь на дне или по илу побегает, а потом все же вернется на свое место. Рыба эта — домосед.

Чем больше я думал об этом омуте, тем все горячее было желание вновь пойти туда, но все никак не могу выбрать время. Раз даже мимо проезжал на мотоцикле, остановился и несколько минут смотрел на воду. И шука не замедлила заявить о себе. Около камышей раздался сухой треск. Это прыгнула в разные стороны мелкая рыбешка. Затем будто веслом по воде ударили и волны закатали кувшинку, добежали до моего берега.

В субботу вечером я зашел за товарищем. Мы взяли спиннинги и направились на речку.

Было ветренно. Сухо шелестел камыш и плес посерел, весь покрылся острыми треугольниками волн, а знакомый омут, как бы дремал, ничто его не беспокоило.

— Ну, давай забрасывай, — сказал мне товарищ, поставил спиннинг на траву, сел и стал закуривать.

Я не нашел времени удивиться сегодняшней инертности друга. Слишком велико было нетерпение. Наскоро осмотрел леску, поводок, и размахнувшись закинул блесну, чуть ли не на средину плеса и начал потихоньку крутить барабан, стараясь вывести блесну в прогал, между камышами к омуту. Только блесна дошла до лопухов, как они качнулись и за леску сильно дернуло, потянуло ее ко дну.

— Давай, давай, зацепило, — мой товарищ вскочил с травы, подбежал к берегу, — не сдавай, леска выдержит.

Я и сам знал, что моей леской быка удержать можно, но слишком сильна была шука, барабан тяжело стало крутить. Я включил тормоз, потянул через плечо за-

трещавшее удильце. Шука подалась, потом неожиданно сама пошла к берегу.

Вот она. Длинная узкая морда, мечется из стороны в сторону, большие выпуклые глаза бездумно смотрят вперед. Блесну не видать, она вся в пасти. Крючки, очевидно, впились в небо и язык, соединив обе челюсти. Иначе бы шука открывала рот и трясла головой, стараясь выплюнуть блесну.

— Давай, давай, подводи к берегу, я возьму ее, — мой приятель шагнул было прямо в сапогах, оступился сразу в глубине и выскоцил на берег.

Шука шла к берегу. Вот она уже совсем близко. Ткнулась носом в белесый от травяных корней берег и остановилась, тихонько поворачиваясь мордой к плесу. Я подмотал, сколько можно было, леску, а приятель тем временем успел сбросить сапоги и стал осторожно наклоняться к воде.

Что и как было дальше, не заметил. Шумный плеск, тяжело, словно бревно, плюхнулась рядом со мной на траву шука. Уж мы обратили ее, схватили, отнесли подальше от берега.

... Дома вечером жарко топится печь. Жена возится около нее. Она никак не может затолкать голову шуки в трехлитровую кастрюлю. Кладет ее и так, и сяк, а все равно изрядный кусок рыбы торчит из посуды.

— Смотри какая, — показывает мне приятель на шучью голову, — в такую кастрюлю не лезет.

Мы помолчали. Я думал о том, что вот теперь омут освободился от хищницы и туда зайдет много рыбы. Сколько ведь времени держала эта шука место под запретом. Уж на что врш для нее не особенно заманчивая рыбешка, а и того схватила. Не лезь, дескать, не в свое место.

— Слушай, — начинаю вспоминать я в деталях сегодняшнюю рыбалку, — ты что это сегодня спокойный был такой? Никогда не бывало: мне вперед забросить дал.

— Знаешь, — приятель замаялся несколько, — я ведь, сказать откровенно, после того первого случая два раза был на омуте.

Он оглянулся назад, проследил, как жена поставила кастрюлю на плиту.

— И оба раза — неудача. Первый-то раз без поводка пошел — леску перекусила проклятая. А во второй раз сам леску порвал, терпения не хватило.

Мирно потрескивали дрова в печи. Мы ждали ухи, и каждый думал: завтра воскресенье, где же лучше порыбачить?

Народный театр Дворца металлургов поставил пьесу Ю. Малюгина «Девочки-мальчики». Пьеса рассказывает о выпускниках одного класса, уехавших на Дальний восток на строительство. О дружбе и любви, о возмужании ребят весело и остроумно рассказывают зрители артисты. Во многих ролях выступают наши металлурги. На снимке: мастер КРЦ Д. Леус и конструктор П. Чебыкина перед выходом на сцену.